

Мечты детства и юности

Когда я училась в школе, мне нравилось читать выразительно стихи, рисовать и, конечно, сочинять стихи. Первая моя проба пера была в четвёртом классе. Я даже помню эти строки, написанные под впечатлением урока, посвящённого В. И. Чапаеву:

Мчится Чапаев на белом коне.
Сгорает Россия в проклятом огне.
Вот победила Россия родная,
Но пуля убила героя Чапая.

Потом писала под впечатлением прочитанной «Повести о Зое и Шуре». Эта книга о Зое Космодемьянской и её брате Саше, который тоже погиб. Он был танкистом. Детство Зои и Шуры и их гибель описывает в повести их мать. Стихи написала под сильным впечатлением от прочитанной повести. Но они не сохранились.

С четвёртого класса я стала постоянным редактором и оформителем стенгазет. Сама сочиняла сатирические стихи о нерадивых учениках и рисовала карикатуры, но только на тех, на кого мне указывала учительница. Мне от них претензий не было. Я подбирала весь материал, писала заголовки, относилась очень ответственно, обходилась без помощи.

Если в классе спрашивали: «Кто у вас хорошо рисует?» — дети почти все хором отвечали: «Оля Небудчикова!» И, конечно, не забывали ещё одного художника класса, Игоря Бунтина. Нас с ним однажды на несколько дней направили в детский сад как шефов, сделать рисунки для занятий с детьми. Игорь взял на себя более ответственную работу — карандашом нарисовать фигурки животных, птиц, а мне оставалось только раскрасить их. Мы с ним не конкурировали и почти не общались. Он, как почти все мальчики в классе, был младше меня и меньше ростом.

В шестом классе под руководством учительницы рисования Валентины Анатольевны (фамилию забыла, к сожалению) я сделала из глины и покрасила белой краской, как она сказала, скульптуру сидящей с книгой ученицы, размерами примерно тридцать на двадцать пять сантиметров. Эта работа не один год стояла в школьной библиотеке.

Школа номер один города Шелехова. Школа считалась показательной. Таких в городе было всего три. Директором школы был с момента её постройки (с 1960 года до 1967-го) Матвей Давыдович Каминер. Иркутский алюминиевый завод шефствовал над школой. Шефами были молодые парни, помогали в воспитательной работе, организовывали походы, экскурсии. Завод помогал делать ремонт, каждый год — в новом и необычном дизайне. Дисциплина была очень строгая, но в школе было интересно, проводились вечера, как сейчас бы сказали, дискотеки. Приглашали учащихся соседних и дальних школ. Ни охраны, ни препон не бывало, и ЧП никаких, и нецензурщины. Мама мне старалась сшить всегда новое модное платье к такому случаю, её заботу и внимание мне не забыть. После тяжёлого труда штукатура-маляра она до поздней ночи могла шить мне платье и потом любоваться своим шедевром, как и мной.

В школе с отстающими учениками по математике бесплатно занимались. У меня с этим были тоже проблемы. Ольга Ивановна Баснина была завучем школы, бессменным учителем математики и после того, как я закончу школу — восемь классов — в 1968 году.

Когда мы учились уже в Иркутском лесотехническом техникуме, куда мы с моей подругой Анютой Зубковой и её одноклассницей Наташей Аверьянова поступили очень легко, я даже какому-то парню решила на экзаменах задание. Он после поблагодарил при случайной встрече. Нам учительница математики в техникуме говорила, что одним хорошим старым запасом долго не продержаться, надо заниматься серьёзнее.

Особенно хочу вспомнить нашу школьную учительницу по русскому языку и литературе Антонину Ивановну Ларикову. Она начала работать в школе пионервожатой, потом была учителем начальных классов, В её классе училась Анюта Зубкова. Потом Антонина Ивановна Ларикова стала

вести у нас русский язык и литературу, а в Анютином классе стала классным руководителем почти до конца нашей учёбы в школе. Анюта о ней отзывалась с большим восхищением и любовью, как и все её одноклассники. Антонине Ивановне было двадцать семь лет. Она была не замужем и жила одна. Её подопечный класс был для неё как её собственные дети. Школьники бывали часто у учительницы в гостях.

В 1967 году, когда мы закончили седьмой класс, Антонина Ивановна уехала к себе на родину в Орловскую область.

Она приехала оттуда в палаточно-барачный посёлок под названием Шелехово по комсомольской путёвке в числе орловских комсомольцев, некоторые жили в палатках, пока не построили бараки и другое жильё.

Антониной Ивановной Лариковой я восхищалась. Как она рассказывала о поэтах, писателях! Как она удивительно читала стихи и прозу! Мне уроки литературы казались праздниками, так же как уроки русского языка. За сочинения я часто получала пятёрки и ждала с нетерпением, когда снова будем писать сочинение в школе или дома.

Но последний год учёбы, 1968-й, был без любимой учительницы. Я даже во сне её несколько раз видела, радовалась, что она вернулась в школу.

Людмила Никитична (не вспомню уже фамилию) пришла вместо Антонины Ивановны. Она была очень хорошим учителем, со стажем, но мне, как и многим, не хватало любимой учительницы.

О ней спустя много лет я напишу такие стихи:

Антонине Ивановне Лариковой

Она влетала, как сорока, в класс,
Неся в руках журнал или тетради,
Глазами карими осматривала нас,
Со лба сдвигая жиденькие пряди,
И начинала Пушкина читать,
Сама казалась на него похожей,
И Лермонтова так могла подать,
Что пробегал у нас мороз по коже...

В связи с этим вспоминается художественный фильм советского времени «Доживём до понедельника». Мы так

же, как в этом фильме, учились, мечтали, выросли. Больше всего мне запомнилось, как написали в фильме сочинения учащиеся, доверяя свои мечты бумаге и учителю, который поймёт правильно, правильно отреагирует. Такими были Антонина Ивановна, Людмила Никитична, наши учителя русского языка и литературы, и другие педагоги.

Мне запомнились слова из сочинения о счастье мальчика из фильма «Доживём до понедельника»: «Счастье — это когда тебя понимают». И всё! Коротко и ясно изложил, ни добавить, ни убавить. Запомнилась из фильма и девочка, написавшая о будущем счастье, что она выйдет замуж и будет иметь двух девочек и двух мальчиков. Это вызвало возмущение учительницы литературы и русского языка. Хорошо, что рядом были понимающие душу подростка учителя.

Писать о счастье не так просто, тем более — о котором мечтаешь. Я бы на месте этой девочки тоже написала о подобном счастье. Но я мечтала иметь не четверых, а троих детей в своей семье. Нас было двое, я и мой младший брат Коля, это мало.

Эту мечту я действительно пронесу в течение десяти лет после рождения второй дочери, Тони, 1977 года рождения. Через десять лет, в 1988 году, появится третья дочь — Алёна.

У меня в классе было много подруг, и вне школы тоже. После уроков, когда дежурные мыли полы, переворачивали парты, мы пели новые, современные песни — конечно, о счастье и любви. Хорошо пела Люда Стробыкина, мы с ней много лет спустя, когда встречались, с удовольствием пели застольные песни и песни нашей юности: «Не рыжий я, а золотой», «Пингвины», «Енька». Мы любили песни, которые пели Майя Кристалинская, Екатерина Шаврина, Людмила Зыкина. Тогда очень много появилось красивых песен, любимых до сих пор, их не забывают и не забудут.

В школе у нас был сводный хор. Обязательно от класса два-три человека два раза в неделю должны были быть в актовом зале школы. Мы с Анютой и Людой Зубковыми и с другими ходили в этот хор, нас не расставляли «по голосам».

Через некоторое время отобрали путём прослушивания лучших. Они вошли в состав школьной вокальной группы. Я в число этой группы, как и мои подруги, не попала. Мне и так хватало нагрузки, и я не очень расстроилась. Вокальная

Мне 14 лет

группа успешно выступала в школе и за пределами её.

В школе нам часто рассказывали о Леониде Кулике, лидере комсомольской стройки, который в период строительства посёлка и Иркутского алюминиевого завода трагически погиб. Наша школа носила его имя, и мы гордились этим. При входе висел большой портрет молодого красивого темноволосого парня — героя нашего времени. Тогда всё было на энтузиазме молодых.

Директора школы Матвея Давыдовича Каминера в 1967 году пригласили работать в Иркутск. Нам его очень не хватало. Слушать, видеть его на общешкольной линейке было для меня особенным событием, я всегда ждала чего-то нового.

Однажды мне дали задание написать большое объявление. В нём говорилось об обществе «Знание», его задачах. Я написала плакатным пером это объявление. Оно долго висело на стене в вестибюле школы, где располагался портрет Леонида Кулика.

Когда директор Матвей Давыдович на школьной линейке говорил об обществе «Знание», я обратилась с вопросом: «Будет ли кружок поэзии, где можно заниматься пишущим стихи?» Он ответил: «Да, если найдутся желающие заниматься. Составьте список и оставьте в учительской».

Кружок был, и мы занимались с подготовленными в этом деле молодыми иркутскими поэтами. Запомнила Виктора Соколова.

Герои-молодогвардейцы смотрели на нас со стен коридора школы. Даже помню под стеклом фотографии, рассказывающие о концлагерях и жертвах преступлений фашизма.

Инна Андреевна, наш классный руководитель, была очень хорошим педагогом, хотя заканчивала вуз не

педагогический, вела ботанику и биологию. Она возила нас в Иркутский ботанический сад за двадцать километров и на Байкал за сотню километров. Помогали в походах на природу её супруг или шефы с Иркутского алюминиевого завода. Инна Андреевна корректно относилась к слабым учащимся, с уважением, педагогическим тактом подходила к каждому.

В городе все праздничные демонстрации были с обязательным участием школьников. Я, под руководством учительницы рисования Валентины Анатольевны, однажды сделала большой плакат на фанере с изображением матроса-революционера. Плакат несли школьники во время праздничной демонстрации в честь Седьмого ноября — праздника Великой Октябрьской Социалистической революции. Сейчас его нет. Нет и той великой страны — СССР.

На художественных выставках в школе мне за рисунки присуждали часто первые места. На общешкольной линейке вручали памятные подарки. И я мечтала стать художником и, конечно, поэтом. На мечтах строится жизнь человека, иногда до конца жизни эта мечта не отпускает, иногда достижима, иногда нет.

У нас в школе проводили игру «Зарница». Мне поручили собрать материал о том, как будут происходить баталии военно-спортивной игры. Я играла со всеми, срывая повязки с руки у противника. За хорошую статью меня наградили на общешкольной линейке грамотой и подарком. Но журналистом быть я не мечтала.

В конце учёбы мне написали классным активом под руководством Инны Андреевны очень хорошую характеристику, надеялись, что буду поступать учиться на художника. Мне особенно запомнилась фраза из характеристики: «Не любит выделяться в классе, имеет своё мнение».

Учительница истории дала задание нарисовать портрет Г. И. Шелехова — землепроходца, в честь кого назвали город, где я росла. А учительница географии просила нарисовать вулкан. По математике просили написать формулы на большом листе бумаги. Компьютеров не было, как сейчас, всё делалось красками, тушью на бумаге или было покупное.

В 1959 году в новом кирпичном двухэтажном доме, тогда ещё в посёлке Шелехово, с нами одновременно поселилась

семья, где было десять детей. Старший сын, Виктор Устинович Зубков, уже работал в администрации. Младше его на два года были двойняшки — Лида и Люба. Мы заселились, когда младшей, Соне, было четыре года, как моему брату Коле. Она была удивительно красивая девочка, хотя Анята, моя подружка-одноклассница, тоже миловидная. Люда Зубкова останется жить со своей уже семьёй в той же квартире по адресу: девятый квартал, дом три, квартира один. Наша была номер четыре. Теперь там живёт семья врачей.

Почему упоминаю Людмилу Зубкову? Мы не были подругами, как и с Анятой, но она сыграла ключевую роль в моей творческой, поэтической судьбе. Именно она посоветовала, когда ей было пятнадцать лет, а мне четырнадцать, отнести мои стихи сначала в редакцию заводской газеты «За алюминий», а потом в районную газету «Рассвет коммунизма». Редактором там был А. А. Леднёв.

Стихотворение, которое напечатали впервые, было о том, что шестилетняя девочка смотрит на строящиеся кирпичные дома из окна барака. На высоком чёрном башенном кране в темноте светится огромная красная звезда. В окне того барака уже нет девочки, она переехала и выросла. А хотелось бы её увидеть в окне. Второе стихотворение, которое напечатают в газете «Рассвет коммунизма», — под названием «Ели». Его я помню, за исключением последнего четверостишия:

Ели

Заслонив собою всё вокруг
Тёмными мохнатыми ветвями,
Зашумят, зашепчут ели вдруг,
Словно разговор заводят с нами.

Хочется мне ближе их узнать,
Ведь они живут уже полвека.
Но не могут ели рассказать
И понять не могут человека...

Ещё я написала слова для песни о городе Шелехове в седьмом классе, когда только-только появилась игра КВН. Мы были от неё в восторге. Члены команды на ходу остроумно находили ответы. Нужно было слова песни сочинить за пять-десять минут о нашем городе Шелехове, чтобы

спела команда на мотив песни «Хали-гали». Я на подоконнике в школьном коридоре сочинила и добавила этим ещё больше баллов команде, за которую болела.

Вот текст той песни:

Мой Шелехов

Среди двух рек растёт
Мой город молодой.
Над ним луна плывёт
И солнце за луной.

Над ним встаёт рассвет,
С рассветом всё светлей,
И нам города на свете
Нет милей.

Здесь лишь ели шумели
И шумела тайга.
Люди всё обогрели,
Жизнь вселили сюда.

Болезьщикам команд дали задание: вылепить из пластилина фигуру капитана своей команды. У нас капитаном была девочка с косичками и бантиками. Я её вылепила быстро и лучше, чем мой бывший одноклассник, тоже хорошо рисующий.

Я брала в библиотеке книги, связанные с изобразительным искусством или с поэзией. Учиться хотела после восьмого класса в Иркутском училище искусств, на художественном отделении. Это была большая мечта. Но не получилось.

Документы и рисунки я повезла в Иркутское училище искусств, когда вступительные экзамены уже начались. Пока я ездила на Байкал с одноклассниками, на прощание там нарисовать природу, упустила время подачи документов. Выручила подруга, соседка Анюта Зубкова из параллельного класса. Она неожиданно позвала поступать в Иркутский лесотехнический техникум, по примеру ещё одной соседской девочки, постарше нас года на два. Поступали на столярно-мебельное отделение. Мне было странно, как Анюта, дочь учителя литературы и русского языка, поступает в этот техникум, да ещё по совету выпускницы его — дочери завмага. Я согласилась потому, что отец постоянно столярничал. Мне был знаком запах стружек, я видела работы отца.

В восьмидесятые годы я напишу стихи об этом, и Виктор Иванович Ермаков, руководитель литобъединения «Ритм» в ДК имени 1 Мая в Красноярске, поместит его в заводскую газету «Красмаша» «Машиностроитель».

Вот его начало:

На верстаке рубанок, гвозди, клещи,
Над верстаком ножовка на гвозде.
Я знаю с детских лет, как эти вещи
Необходимы плотнику в труде.

Я окончу техникум в 1971 году. Стану техником-технологом мебельного производства. После защиты дипломного проекта председатель комиссии скажет моим преподавателям, что пятнадцать лет слушает защиту дипломников, но такой никогда не слышал, всё чётко и достойно похвалы.

На выпускном вечере в ресторане «Ангара» в Иркутске мне говорили по очереди все преподаватели, которые были когда-то выпускниками Ленинградской лесотехнической академии. Они были очень хорошо подготовленными и от нас этого же требовали.

Через год работы лаборантом на Иркутской мебельной фирме «Байкал» я стану работать инженером-конструктором в ПКБ Управления местной промышленности Иркутской области. А рядом с Управлением, на улице Ленина, красовалось и манило здание Иркутского училища искусств. Я заходила туда как в храм искусств. Там я подолгу разглядывала работы учащихся и снова мечтала, что ещё буду учиться на художника. Когда поговорила на этот счёт с директором Шелеховской детской художественной школы, бывшим моим педагогом в изостудии в ДК «Строитель» Клавдием Ивановичем Кицковязиным, он сказал, что мне двадцать один год и пора уже замуж. Но мечта есть мечта, и никуда от неё не деться. Свадебного салона, который находился тут же, на улице Ленина, никак не обойдёшь, Появилась мечта встретить художника или поэта и выйти за него замуж. Эта мечта скоро осуществилась.

Когда я работала на мебельной фирме «Байкал» на берегу Иркутта, к моей лаборатории подошёл высокий художавый молодой человек. У него были необычно синие глаза и очень длинные чёрные густые ресницы и брови. Он об-

ратился ко мне с просьбой покрыть лаком на лаконоливной машине две заготовки для палитры. Мне это было нетрудно.

Молодой человек говорил с явно выраженным украинским акцентом. Но самое интересное, что он сказал, что заканчивает учёбу в том училище искусств, куда я так мечтала поступить. Парень потом приходил ещё не один раз, проявляя ко мне внимание. Звали его Женя. Мы иногда встречались случайно около училища искусств. А через год, когда Женя заканчивал учёбу и мечтал

ехать учиться дальше, мы с ним встретились снова и стали мечтать о совместной поездке. Я ещё хотела учиться. Так продолжалось полгода, и он сделал мне предложение. Это было летом 1972 года. Я сказала, что подумаю до осени.

А в ноябре у нас была свадьба. Мы были в том салоне новобрачных, мимо которого я каждый день ходила с работы на обед. Там мы купили фату и белые туфельки. Женя, несмотря на то, что ещё не закончил учёбу, нашёл хороший заказ. Выполнил работу художника и заработал на свадьбу. Он был старше меня немного. Поступил учиться, отслужив в армии. Тоже была большая мечта стать художником.

Я любила Женю как никого, он был очень со мной нежен и добр. Я его очень любила и была счастлива. Женя мне тоже часто говорил о своей любви.

После свадьбы мы жили в съёмной полуподвальной комнатухе в частном доме, вместе с пьющим хозяином. Но всё равно это было самым счастливым временем в моей жизни.

Через год, в октябре, родилась дочь Надя. Бытовые условия надо было менять, и мы с частной квартиры переехали

Мне 19 лет. 1970 год

**Мой родной брат Коля
на службе в армии**

к моим родителям, в трёхкомнатную полнометражную квартиру. Женя мало зарабатывал. Художники-оформители всегда имели небольшой оклад, как и инженеры. Если нет подработки, иначе говоря — «халтуры», то не проживёшь.

Между моей мамой и Женей появились недопонимания. Она ставила в пример ему других, кто умеет зарабатывать. Снять жильё с ребёнком тогда было нереально. Женя поехал на родину, на Украину, где были его родные и близкие — две сестры и брат.

Женя на некоторое время остался там, я с дочкой жила у родителей, в декретном отпуске до года ребёнку. От Жени приходило мало помощи. Забирать ему меня было некуда.

Во время декретного отпуса я нашла работу художника-оформителя. Это был мой первый опыт в Шелеховском автотранспортном предприятии. Я работала под руководством председателя профкома, писала объявления, делала трафареты. В красный уголок — моё рабочее место — по профсоюзным делам иногда заходили водители автобусов. Все вели себя корректно и спокойно. Но один всё время хотел выделиться, и мне это не нравилось. Даже пугало. Это был Саша Прохоров.

Но через год, летом 1975 года, когда с мужем отношения дошли до того, что мама вынудила меня подать на алименты, а потом на развод, мы случайно встретились у магазина. Этот парень стал совсем другим, сдержанным, стал шире в плечах. Волосы его на солнце стали светлыми, лёгкими завитками обрамляли правильные черты лица. Разговорились, он предложил на его большегрузной машине прокатиться в сторону Байкала. Я сказала, что дочку полутора лет не с кем оставить, Саша

предложил её взять с собой.

Мы проехали полдня, заезжали попить молока в какой-то частный дом.

Надя спала на заднем сиденье. Саша был предельно корректен, за весь путь даже случайно не прикоснулся ко мне. Когда заехали к нам домой, там нас ждала мама. Она не захотела меня отпустить

одну по каким-то своим соображениям. От Саши она была в восторге. Саша съездил домой в Читинскую область, там его отец, три брата и две сестры. Когда он сделал там свои дела, вернулся в общежитие в Шелехове, а потом пришёл и предложил мне уволиться и поехать с ним в Красноярск. У него там жил дядя.

Дядя работал на алюминиевом заводе начальником. Имел жену и двоих сыновей. Мама моя против такого предложения не была. Саша тоже рассчитался на производстве. Мы поехали без дочери. Когда нашли жильё и Саша работу, я забрала Надю. Работали мы вместе на химкомбинате «Енисей»: Саша — водителем, я — инженером-конструктором. Я работала на химкомбинате «Енисей» с 1976 по 1996 год, двадцать лет.

С Сашей мы были в браке с 1976 года. В апреле 1977 года у нас родится дочь Антонина. Фамилию из-за волокиты с документами я менять не стала, хотя Саша даже предлагал удочерить Надю, а мне взять его фамилию — Прохорова. Но я воздержалась.

Саша всегда говорил, что любит меня. Когда подросли девочки, Тоне было десять лет, а Наде около четырнадцати, моя мечта с юности — выйти замуж и иметь троих детей — осуществилась полностью. В 1988 году мне было уже тридцать семь лет, когда родилась снова девочка. Имя снова придумала я. Мне показалось, что никакое другое имя ей не подойдёт.

Мы все полюбили нашу крошку, и все нас окружающие, без преувеличения.

Свадьба Ольги Небудчиковой и Евгения Колесника. Шелехов, Иркутская область. Ноябрь 1972 года

С мужем Александром и дочерьми Тоней и Надей. Красноярск. Каменный квартал. 1980 год

Меня одна из медиков предостерегала, что поздний ребёнок — это рискованно. Но лучше поздно, чем никогда. Дочки говорили, что у нас будет такой ребёнок, что все позавидуют, Саша с удовольствием их поддерживал. Так и вышло. Даже мама в конце жизни в 2005 году, сожалея, сказала: «А что я третьего ребёнка не родила?»

Саша Прохоров, к сожалению, скончался на год раньше своей тёщи, в 2004 году, от болезни лёгких.

Его нам не хватает, трём моим дочерям, семерым внукам и одному правнуку, Тониному внуку от сына Кости.

А мечты всё же сбываются.

Окончание следует